

ГЛАВА I

Объем и военные силы империи в век Антонинов

Введение. Во втором столетии христианской эры владычество Рима обнимало лучшую часть земного шара и самую цивилизованную часть человеческого рода. Границы этой обширной монархии охранялись старинной славой и дисциплинированной храбростью. Мягкое, но вместе с тем могущественное влияние законов и обычаев мало-помалу скрепило связь между провинциями. Их миролюбивое население наслаждалось и злоупотребляло удобствами богатства и роскоши. Внешние формы свободных учреждений охранялись с приличной почтительностью: римский сенат, по-видимому, сосредоточивал в своих руках верховную власть, а на императоров возлагал всю исполнительную часть управления. В течение счастливого периода, продолжавшегося более восьмидесяти лет, делами государственного управления руководили добродетели и дарования Нервы, Траяна, Адриана и двух Антонинов. Настоящая глава и следующие за ней две другие главы имеют целью описать цветущее состояние их империи и затем, со времени смерти Марка Антонина, указать главные причины ее упадка и разрушения, то есть главные причины такого переворота, который останется памятным навсегда и который до сих пор отзывается на всех народах земного шара.

Умеренность Августа. Главные завоевания римлян совершились при республике, а императоры большей частью довольствовались тем, что охраняли владения, приобретенные политикой сената, деятельным соревнованием консулов и воинственным энтузиазмом народа. В первые семь столетий триумфы быстро следовали один за другим, но Августу впервые пришлось отказаться от честолюбивых замыслов на всемирное владычество и внести дух воздержанности в дела государственного управления. Так как он и по

своему характеру, и по своему положению был склонен к миролюбию, то ему нетрудно было сообразить, что Рим при своем тогдашнем чрезмерном величии мог более потерять, нежели выиграть, от случайностей войны и что при ведении войн на большом отдалении от центра завоевания становились все более и более трудными, успех становился все более и более сомнительным, а обладание завоеванными странами становилось менее прочным и выгодным. Личный опыт Августа придал еще более веса этим здравым соображениям, доказав ему, что путем благоразумной и энергичной политики ему нетрудно будет добиться от самых грозных варварских народов всех тех уступок, какие могут оказаться необходимыми для безопасности и достоинства Рима. Вместо того чтобы подвергать себя и свои легионы опасности погибнуть от стрел парфян, он добился путем почетного мирного договора, чтобы ему были возвращены знамена и пленники, захваченные парфянами при поражении Красса¹.

В первые годы его царствования его легаты попытались завладеть Эфиопией и Счастливой Аравией. Они зашли почти на тысячу миль к югу от тропика, но знойный климат скоро принудил завоевателей возвратиться назад и послужил охраной для миролюбивого населения этих далеких стран². На завоевание Северной Европы едва ли стоило тратить деньги и усилия. Среди лесов и болот Германии жило отважное варварское племя, презиравшее жизнь, если она не соединялась со свободой, и хотя при первом нападении на него оно, по-видимому, не могло устоять против могущества римлян, но вскоре след за тем оно сделало отчаянное усилие и, возвратив себе независимость, напомнило Августу о превратностях фортуны³. После смерти этого императора его завещание было публично прочитано

¹ Речь о поражении римского войска в битве при Каррах в 53 г. до н. э. (Примеч. ред.; далее — Ред.)

² Римляне овладели Марибом — городом Счастливой Аравии. (Примеч. автора; далее — Г.) Он находился неподалеку от той местности, которая называлась Адрамаут и которая производит необыкновенно ароматические растения. (Примеч. комментатора классического английского издания 1845 г. — преп. Г. Х. Мильмена; далее — М.)

³ Умерщвлением Вара и его трех легионов. (Г.) Известно как поражение римлян в Тевтобургском лесу. (Ред.)

в сенате. Он оставил своему преемнику ценное наследство, дав ему совет не расширять империи далее тех границ, на которые как будто сама природа указала ей как на ее постоянный оплот и пределы: с запада — Атлантического океана, с севера — Рейна и Дуная, с востока — Евфрата, с юга — песчаных степей Аравии и Африки.

Ее придерживаются его преемники. К счастью для спокойствия человеческого рода, скромная система, рекомендованная мудростью Августа, нашла для себя поддержку в трусости и пороках его ближайших преемников. Будучи заняты погоней за наслаждениями или актами тирании, первые цезари редко показывались армиям или провинциям; но вместе с тем они вовсе не были расположены допускать, чтобы те триумфы, которыми пренебрегала их беспечность, служили наградой за подвиги и храбрость их легатов. Военная слава подданного считалась за дерзкое посягательство на прерогативы императора, и потому каждый римский легат считал, что и чувство долга, и его личный интерес предписывают ему охранять вверенную его попечению границу, но не мечтать о завоеваниях, которые могли бы оказаться для него самого не менее губительными, чем для побежденных им варваров.

Завоевание Британии как первое нарушение его правила. Британия была единственной провинцией, которую римляне присоединили к своим владениям в течение первого столетия христианской эры. В этом единственном случае преемники Цезаря и Августа нашли нужным поступить по примеру первого из них, а не по правилам второго. Близость этого острова к берегам Галлии внушала им желание овладеть им, а приятные, хотя и сомнительные, слухи о возможности добывать там жемчуг возбуждали в них алчность¹, впрочем, на Британию смотрели как на страну самобытную и отрезанную от остального мира, поэтому и завоевание ее едва ли считалось исключением из общих правил, которых придерживались на континенте. После войны, которая продолжалась около сорока лет² и которую начал самый глупый из всех императоров, продолжал самый

¹ Британский жемчуг оказался не особенно ценным по причине своего темного синевато-багрового цвета. (Г.)

² В царствование Клавдия, Нерона и Домициана. (Г.)

распутный, а окончил самый трусливый, бóльшая часть острова попала под иго римлян. У различных племен, на которые делился британский народ, была храбрость, но не было умения ею пользоваться, была любовь к свободе, но не было единодушия. Они взялись за оружие с великим мужеством, но потом сложили его или же обратили его с сумасбродной непоследовательностью друг против друга, и в то время, как они сражались поодиночке, они были поработаны одни вслед за другими. Ни мужество Карактака, ни отчаяние Боадицеи, ни фанатизм друидов не могли спасти их родину от рабской зависимости или остановить постоянное движение вперед римских легатов, поддерживавших достоинство своего народа, в то время как достоинство престола было унижаемо самыми бездушными или самыми порочными вырожденками человеческой расы. В то самое время, когда Домициан, запершись в своем дворце, чувствовал в себе самом тот страх, который он внушал другим, его легионы, предводимые добродетельным Агриколой, разбили соединенные силы каледонцев у подножия Грампианских гор, а его флоты, смело пускавшиеся в опасное плавание по неизвестным морям, разносили по всем пунктам острова славу римского оружия. Завоевание Британии уже считалось законченным, и Агрикола намеревался довершить и упрочить свой успех вовсе не трудным покорением Ирландии, для которого было бы, по его мнению, достаточно одного легиона и небольшого количества вспомогательных войск. Он полагал, что обладание лежащим на западе островом может быть очень выгодно и что британцы будут с меньшим отвращением носить свои цепи, когда у них не будет перед глазами примера чьей-либо свободы.

Но высокие достоинства Агриколы скоро послужили поводом для его увольнения от главного командования в Британии, и его план завоеваний, весьма разумный, несмотря на свою обширность, был отложен в сторону навсегда. Перед своим отъездом этот опытный военачальник постарался упрочить обладание вновь завоеванными провинциями. Он заметил, что остров как будто делится на две неравные части находящимися по обеим его сторонам заливами, образующими то, что называют теперь Шотландским проходом (Firths of Scotland). На разделяющем их промежуточном пространстве длиною почти в сорок миль он устроил

ряд военных стоянок, которые впоследствии — в царствование Антонина Пия — были укреплены земляным валом, возведенным на каменном фундаменте. Эта стена, выстроенная недалеко за теперешними Эдинбургом и Глазго, должна была обозначать границу римских владений.

Каледонцы, жившие на северной окраине острова, сохранили свою дикую независимость, которой они были обязаны столько же своей бедности, сколько своей храбрости. Они часто делали нашествия, которые были с успехом отражаемы и за которые их наказывали, но их страна не была покорена. Повелители самых прекрасных и самых плодоносных стран земного шара с презрением отворачивали свои взоры от мрачных гор с их зимними бурями, от озер, покрытых густыми туманами, и от холодных пустынных равнин, на которых полунагие варвары гонялись за дикими оленями.

Завоевание Дакии как второе его нарушение. Таковы были границы Римской империи, и таковы были принципы императорской политики со смерти Августа и до восшествия на престол Траяна. Этот добродетельный и предприимчивый государь получил воспитание солдата и обладал дарованиями полководца. Миролюбивая система его предшественников была нарушена войнами и завоеваниями, и во главе легионов после долгого промежутка времени наконец встал император, способный ими командовать. Первые военные предприятия Траяна были направлены против одного из самых воинственных племен — даков, живших по ту сторону Дуная и в царствование Домициана безнаказанно издевавшихся над величием Рима. Со свойственными варварам мужеством и неустрашимостью в них соединялось презрение к жизни, проистекавшее из глубокого убеждения в бессмертии и возможности переселения души. Король даков Децебал оказался достойным соперником Траяна; он не пришел в отчаяние ни за свою судьбу, ни за судьбу своего народа, пока, по свидетельству его врагов, он не истощил всех средств, какие давали ему и его мужество, и его политика. Эта достопамятная война продолжалась, с очень короткими перерывами, пять лет, а так как император мог безотчетно располагать всеми силами империи, то она окончилась полным покорением варваров. Новая Дакийская провинция, составлявшая второе исклю-

чение из завещанных Августом правил, имела в окружности около тысячи трехсот миль. Ее естественными границами были Днестр, Тиса, или Тибиск, нижний Дунай и Эвксинское море¹.

Завоевания Траяна на Востоке. Траян жаждал славы, а пока человечество не перестанет расточать своим губителям похвалы более щедро, чем своим благодетелям, стремление к военной славе всегда будет порочной склонностью самых возвышенных характеров. Похвалы Александру, передававшиеся из рода в род поэтами и историками, возбудили в душе Траяна опасное соревнование. Подобно Александру, и римский император предпринял поход на Восток, но он со вздохом выражал сожаление, что его преклонные лета едва ли позволят ему достигнуть такой же славы, какой достиг сын Филиппа. Впрочем, успехи Траяна, несмотря на их непрочность, были быстры и блестящи. Он обратил в бегство парфян, утративших свои прежние доблести и ослабевших от междоусобицы. Он победоносно прошел вдоль берегов Тигра, начиная от гор Армении и до Персидского залива. Он был первый и вместе с тем последний из римских полководцев, плававший по этому отдаленному морю. Его флоты опустошали берега Аравии, и Траян уже ласкал себя тщетной надеждой, что он недалеко от пределов Индии. Удивленный сенат каждый день получал известия, в которых шла речь о незнакомых ему собственных именах и о новых народах, признавших над собою его верховенство. Он узнал, что цари Боспора, Колхиды, Иберии, Албании, Осроены и даже сам парфянский монарх получили свои царские диадемы из рук императора, что независимые племена, живущие среди гор Мидии и Кордуены, молили его о покровительстве и что такие богатые страны, как Армения, Месопотамия и Ассирия, обращены в римские провинции. Но смерть Траяна скоро положила конец всем блестящим надеждам; тогда возникли основательные опасения, что столь отдаленные народы попытаются сбросить с себя непривычную для них зависимость, лишь только они почувствуют, что их уже не сдерживает та мощная рука, которая согнула их под это иго.

¹ *Эвксинское море*, или Эвксинский Понт, — другое название Черного моря. (Ред.)

Его преемник Адриан отказывается от них. Существовало старинное предание, что, когда Капитолий был заложен одним из римских царей, бог Терм (который ведал полевыми межами и которого изображали в то время большим камнем) был единственным из всех низших богов, отказавшимся уступить свое место самому Юпитеру. Аугуры объяснили это упорство в благоприятном смысле: они приняли его за несомненное предзнаменование того, что пределы римского владычества никогда не будут отодвигаться назад. Но хотя Терм и был в состоянии противостоять могуществу Юпитера, он преклонился перед могуществом Адриана. Этот император начал свое царствование тем, что отказался от всех завоеваний Траяна на Востоке. Он возвратил парфянам право выбирать независимого государя, отозвал римские гарнизоны из Армении, Месопотамии и Ассирии и, согласно с принципами Августа, еще раз признал Евфрат границей империи. Благодаря привычке искать дурную сторону в общественной деятельности и в личных мотивах царствующих государей многие приписывали чувству зависти такой образ действий, который нетрудно объяснить осторожностью и умеренностью Адриана. Для такого подозрения можно бы было найти некоторое основание в изменчивом характере этого императора, способного предаваться то самым низким, то самым возвышенным влечениям. Однако он ничем не мог выставить в столь ярком свете превосходство своего предшественника, как собственным признанием, что сам он не в состоянии оберегать завоевания Траяна.

Контраст между Адрианом и Антонином Пием. Воинственность и честолюбие Траяна представляли очень резкий контраст с умеренностью его преемника. Неутомимая деятельность Адриана была не менее замечательна и по сравнению с кротким спокойствием Антонина Пия. Жизнь первого из них была почти непрерывным путешествием, а так как он обладал разнообразными дарованиями полководца, государственного человека и ученого, то он удовлетворял все свои вкусы, исполняя свои обязанности правителя. Не чувствуя на себе ни перемен погоды, ни перемены климата, он ходил пешком с непокрытой головою и по снегам Каледонии, и по знойным равнинам Верхнего Египта,

и в империи не было ни одной провинции, которая в течение его царствования не была бы осчастливлена посещением императора. Напротив того, спокойная жизнь Антонина Пия протекла внутри Италии, и в течение его двадцатитрехлетнего управления империей самым длинным из его путешествий был переезд из его римского дворца в его уединенную виллу, находившуюся близ города Ланувия.

Миролюбивая система Адриана и двух Антонинов. Несмотря на это различие в своем образе жизни, и Адриан, и оба Антонина одинаково придерживались основной системы Августа. Они твердо следовали тому правилу, что надо поддерживать достоинство империи, не пытаясь расширить ее пределы. Они даже пользовались всяким удобным случаем, чтобы приобретать расположение варваров, и старались внушить всему миру убеждение, что римское могущество, стоящее выше всяких влечений к завоеваниям, одушевлено лишь любовью к порядку и к справедливости. В течение длинного, сорокатрехлетнего, периода их благотворные усилия были увенчаны успехом, и если исключить незначительные военные действия, предпринятые ради упражнения пограничных легионов, то можно будет сказать, что царствования Адриана и Антонина Пия представляют приятную картину всеобщего мира¹.

Оборонительные войны Марка Антонина. Страх, который внушало военное могущество Рима, придавал умеренности императоров особый вес и достоинство. Они сохраняли мир тем, что были всегда готовы к войне и, руководствуясь в своих действиях справедливостью, в то же время давали чувствовать жившим вблизи от границ империи племенам, что они так же мало расположены выносить обиды, как и причинять их. Марк Аврелий употребил в дело против парфян и германцев те военные силы, которые Адриан

¹ Не следует, однако, забывать, что в царствование Адриана евреи, движимые религиозным фанатизмом, взяли за оружие и произошло сильное восстание, которое, впрочем, не распространялось за пределы одной провинции. Павсаний [Описание Эллады, кн. 8, гл. 43] говорит о двух войнах, которые были предприняты по необходимости и которые были с успехом окончены полководцами Антонина Пия: одна из них велась с маврами, которые были прогнаны в степи, окружающие Атласские горы; другая велась с бригантами — британским племенем, вторгшимся в римские владения. (Г.)

и старший Антонин лишь держали наготове. Нападения варваров вывели из терпения этого монарха-философа: будучи вынужден взяться за оружие для обороны империи, он частью сам, частью через своих военачальников одержал несколько значительных побед на берегах Евфрата и Дуная. Здесь будет уместно изучить римскую военную организацию и рассмотреть, почему она так хорошо обеспечивала и безопасность империи, и успех военных предприятий.

Военные учреждения при римских императорах. Во времена республики, когда нравы были более чисты, за оружие брался тот, кого воодушевляла любовь к отечеству, кому нужно было оберегать свою собственность и кто принимал некоторое участие в издании законов, которые ему приходилось охранять ради личной пользы и по чувству долга. Но по мере, того как общественную свободу поглощали обширные завоевания, военное дело мало-помалу возвышалось до степени искусства и мало-помалу унижалось до степени ремесла. Даже в то время, когда легионы пополнялись рекрутами из самых отдаленных провинций, предполагалось, что они состоят из римских граждан. Это почетное название вообще считалось или легальной принадлежностью воина, или самой приличной для него наградой; но более серьезное внимание обращалось на существенные достоинства возраста, силы и роста¹. При наборах рекрутов весьма основательно отдавалось предпочтение северному климату над южным; людей самых годных для военного ремесла предпочтительно искали не в городах, а в деревнях, и от тех, кто занимался тяжелым кузнечным и плотничным ремеслом или охотничьим промыслом, ожидали более энергии и отваги, нежели от тех, кто вел сидячую жизнь торговца, удовлетворяющую требованиям роскоши. Даже тогда, когда право собственности перестало считаться необходимым условием для занятия военных должностей, командование римскими армиями оставалось почти исключительно в руках офицеров из хороших семейств и с хорошим образованием; но простые солдаты набира-

¹ Цезарь составил один из своих легионов (по имени Алауда) из галлов и иностранцев, но это было во время своеволия междоусобных войн, а после своих побед он дал им в награду права римских граждан. (Г.)

лись между самыми низкими и очень часто между самыми развратными классами населения.

Дисциплина. Та общественная добродетель, которая у древних называлась патриотизмом, имеет своим источником глубокое убеждение, что наши собственные интересы тесно связаны с сохранением и процветанием той свободной системы правления, в которой мы сами участвуем. Такое сознание сделало легионы Римской республики почти непобедимыми; но оно не могло иметь большого влияния на наемных слуг деспотических государей, а потому оказалось необходимым восполнить недостаток этих мотивов другими мотивами, совершенно иного характера, но не менее сильными — чувством чести и религией. Крестьянин или ремесленник проникался полезным убеждением, что, вступая в военную службу, он избирал благородную профессию, в которой его повышение и его репутация будут зависеть от его собственной доблести, и что, если подвиги простого солдата нередко и остаются в неизвестности, все-таки его поведение может иногда покрыть славой или бесчестьем целую роту, целый легион и даже всю армию, с которой связана его собственная судьба. При самом вступлении его в службу он должен был приносить присягу, которой всячески старались придать самую торжественную обстановку. Он клялся, что никогда не покинет своего знамени, что подчинит свою волю приказаниям своих начальников и что будет жертвовать своей жизнью для защиты императора и империи¹. Привязанность римских войск к их знаменам внушалась совокупным влиянием религии и чувства чести. Золотой орел, блестевший во главе легиона, был для них предметом самого искреннего благоговения, а покинуть в минуту опасности этот священный символ считалось столько же бесчестьем, сколько позором. Эти мотивы, заимствовавшие свою силу у воображения, подкреплялись страхами и надеждами, у которых были более существенные основания. Исправно выплачиваемое жалование, по временам подарки и определенная награда после выслуги установленного срока — вот чем облегчались трудности военной службы, а с другой стороны, ни трусость,

¹ Клятва в верности возобновлялась ежегодно в первый день января. (Г.)

ни неповиновение не могли избежать самого строгого наказания. Центурионы имели право подвергать провинившихся телесным наказаниям, а командиры имели право наказывать их смертью. В римской дисциплине считалось неизменным правилом, что хороший солдат должен бояться своих командиров гораздо более, нежели неприятеля. Благодаря таким похвальным порядкам храбрость императорских войск приобрела такую непоколебимость и такую дисциплину, каких не могло достигнуть стремительное и порывистое мужество варваров.

Военные упражнения. Римляне так хорошо понимали недостаточность храбрости, которая не соединяется со знанием и практикой, что на их языке название армии заимствовано от слова, которое значит «упражнения»¹. Военные упражнения составили в них главную и постоянную цель дисциплины. Рекруты и молодые солдаты постоянно упражнялись — и утром и вечером, и даже ветеранам, несмотря на их лета и опытность, не дозволялось уклоняться от ежедневных повторений того, что они уже знали в совершенстве. На зимних стоянках устраивались для войск широкие навесы, для того чтобы не прерывать военных упражнений даже в самую дурную погоду; при этом тщательно наблюдалось, чтобы оружие, употреблявшееся при этих искусственных подражаниях военным действиям, было вдвое тяжелее того, которое требовалось для настоящих сражений. Солдат старательно учили ходить, бегать, прыгать, плавать, носить большие тяжести, владеть всякого рода оружием — как для нападения, так и для обороны, как для боя на далеком расстоянии, так и для рукопашной схватки; их заставляли делать разные маневры и исполнять под звуки флейт пиррическую или воинскую пляску. В мирное время римские войска осваивались с военными приемами, и поле битвы отличалось от поля военных упражнений только пролитием крови. Самые способные командиры и даже некоторые из императоров поощряли такие упражнения своим присутствием и своим примером; так, например, нам известно, что и Адриан, и Траян нередко сами обучали неопытных солдат, награждали самых усердных,

¹ На латинском языке «армия» — *exercitus*, от гл. *exerceo* — «упражняться». (Ред.)

а иногда даже вступали с ними в состязание из-за награды за силу и ловкость. В царствование этих государей военная тактика сделала большие успехи, и, пока империя сохраняла в себе некоторую жизненную силу, изданные ими инструкции считались самым лучшим образцом римской дисциплины.

Легионы при императорах. Девятисотлетние войны мало-помалу внесли в военную службу много изменений и улучшений. Легионы, какими их описывал Полибий¹ и какими они были во времена Пунических войн, существенно отличались от тех, с которыми побеждал Цезарь или которые охраняли монархию Адриана и Антонинов. Организацию императорского легиона можно объяснить в немногих словах. Тяжеловооруженная пехота, составлявшая главную его силу, разделялась на десять когорт и пятьдесят пять центурий, находившихся под начальством такого же числа трибунов и центурионов. Первая когорта, которой принадлежало право всегда занимать почетный пост и охранять орла, состояла из тысячи ста пяти солдат, выбранных из самых храбрых и самых надежных. Остальные девять когорт состояли из пятисот пятидесяти пяти человек каждая, а во всем отряде пехоты, входившем в состав легиона, было до шести тысяч ста человек.

Оружие. Их вооружение было однообразно и удивительно хорошо приспособлено к обязанностям их службы; они носили открытый шлем с высоким султаном, кирасы или кольчугу, ножные латы и на левой руке большой щит. Этот щит имел форму продолговатую и вогнутую, был четырех футов в длину и двух с половиной в ширину; он был сделан из легкого дерева, обтянутого воловьей кожей и покрытого толстыми листами меди. Кроме легкого копья, легионный солдат держал в правой руке тяжелый дротик, называвшийся *пилумом*, который имел в длину около шести футов и к которому был приделан массивный треугольный наконечник из стали восемнадцати дюймов в длину. Этот снаряд мог быть употреблен в дело только один раз и притом на расстоянии только десяти или двенадцати шагов. Однако, когда его бросала сильная и ловкая рука, никакая

¹ См. в VI книге его «Истории» превосходное отступление, в котором идет речь о римской дисциплине. (Г.)

кавалерия не дерзала подойти так близко, чтобы он мог попасть в нее; никакой щит и никакие латы не могли выдержать его удара. Лишь только римлянин бросал свой пилум, он тотчас бросался на неприятеля с мечом в руке. Этот меч имел коротенький, из хорошей стали, испанский клинок, заостренный с обеих сторон и одинаково удобный для того, чтобы ударять, и для того, чтобы колоть; впрочем, солдат всегда учили предпочитать этот второй способ употребления, так как в этом случае они менее открывали самих себя, а между тем нанесенная противнику рана была более опасна. Легион обыкновенно выстраивался в восемь линий в глубину, а между линиями, точно так же как и между рядами, оставлялось пространство в три фута. Войска, привыкшие сохранять такой строй в длину всего фронта и при быстром натиске, были всегда готовы исполнить всякое движение, какого могли потребовать от них ход сражения или искусство их начальников. У солдат было достаточно места и для их оружия, и для их движений, и, сверх того, между ними сохранялись промежутки, достаточные для того, чтобы можно было вводить подкрепления для замены тех, кто был не в силах долее сражаться. Военная тактика греков и македонян была основана на совершенно иных принципах. Сила фаланги заключалась в шестнадцати рядах длинных пик, находившихся одна от другой в самом близком расстоянии. Но и размышление, и опыт скоро доказали, что сила фаланги не могла соперничать с ловкостью легиона.

Кавалерия. Кавалерия, без которой сила легиона была бы неполной, разделялась на десять отрядов, или эскадронов; в первом из них, как состоявшем при первой когорте, было сто тридцать два человека, а в каждом из остальных девяти только по шестидесяти шести; все эти отряды, вместе взятые, составляли полк из семисот двадцати шести всадников. Каждый полк, натурально, состоял при своем легионе, но в некоторых случаях отделялся от него, чтобы выстроиться в линию и действовать на одном из флангов армии. При императорах кавалерия уже не состояла, как во времена республики, из лучшей молодежи Рима и Италии, приготовлявшей себя кавалерийской службой к должностям сенаторским и консульским и старавшейся приобрести военными подвигами голоса своих соотечественников

на будущих выборах. С тех пор как изменились и нравы, и форма правления, самые богатые люди из сословия всадников занимались отправлением правосудия или сборанием государственных доходов; если же они предпринимали военную карьеру, они тотчас получали командование кавалерийским отрядом или когортой. Траян и Адриан набирали людей для своей кавалерии из тех же провинций и из тех же классов своих подданных, из которых набирались рекруты для легионов. Лошадей получали большей частью из Испании и Каппадокии. Римские кавалеристы относились с презрением к полному вооружению, которым обременяла себя кавалерия восточных народов. Самую необходимую часть их вооружения составляли: шлем, продолговатый щит, легкие сапоги и кольчуга. Их главным оружием для нападения был дротик и длинный широкий меч. Использование копья и железной палицы они, кажется, заимствовали от варваров.

Вспомогательные войска. Охранение безопасности и чести империи возлагалось главным образом на легионы; но римская политика не пренебрегала ничем, что могло быть ей полезно в случае войны. Наборы рекрутов производились в определенные сроки среди жителей провинций, еще не удостоившихся почетного звания римских граждан. Некоторым подвластным Риму владетельным князьям и некоторым мелким государствам, разбросанным неподалеку от римских границ, дозволялось пользоваться свободой и безопасностью под условием, чтобы они несли военную службу¹. Даже нередко удавалось путем угроз или убеждений отправлять отряды враждебных варваров в далекие страны, для того чтобы они тратили там свое опасное для Рима мужество на пользу римского государства². Все эти различные отряды носили общее название вспомогательных войск, и, хотя их число изменялось в различные времена и при различных обстоятельствах, оно редко бывало ниже числа самих легионов. Самые храбрые и самые преданные отряды этих вспомогательных войск отдавались под на-

¹ Таково, в особенности, было положение батавов. (Г.)

² Марк Аврелий заставил побежденных им квадов и маркоманов дать ему значительный отряд войск, который он и послал медленно в Британию. (Г.)

чальство префектов и центурионов и строго обучались римской дисциплине, но большая часть из них сохраняла то оружие, каким они всего лучше владели вследствие особого характера их родины или вследствие приобретенной с молодости привычки. Благодаря таким порядкам каждый легион, имевший при себе определенное количество вспомогательных войск, мог располагать легкими войсками всякого рода и всякого рода метательными снарядами, а потому был в состоянии противопоставить какому бы то ни было народу то оружие и ту дисциплину, которые составляли его силу.

Артиллерия. У легиона не было недостатка и в том, что на новейшем языке называется артиллерийским обозом. Он состоял из десяти военных машин большого размера и пятидесяти пяти — малого размера, и каждая из этих машин метала в наклонном или в горизонтальном направлении камни и стрелы со страшной силой.

Лагерное расположение войск. Лагерь римского легиона имел наружный вид укрепленного города. Лишь только было намечено для него место, саперы тщательно выравнивали почву, устраняя все, что могло мешать ее совершенной гладкости. Он имел форму правильного четырехугольника, и, по нашему соображению, внутри квадрата приблизительно в семьсот ярдов могли расположиться лагерем двадцать тысяч римлян, хотя такое же количество войск в наше время могло бы развернуть перед неприятелем фронт в три раза более длинный. Посреди лагеря возвышалась над всеми другими палатка главнокомандующего (*praetorium*); кавалерия, пехота и вспомогательные войска занимали назначенные им места; улицы были широкие и совершенно прямые, а между палатками и валом оставлялось со всех сторон пустое пространство в двести футов. Самый вал обыкновенно имел двенадцать футов в высоту; он был обнесен плотной палисадой и был окружен рвом двенадцати футов в глубину и в ширину. Эту важную работу исполняли сами легионные солдаты, так же хорошо умевшие владеть заступом и лопатой, как они владели мечом или пилумом.

Поход. Лишь только трубный звук подавал сигнал к передвижению, лагерь был почти мгновенно снят и войска размещались по своим шеренгам без замедлений и без за-

мешательства. Кроме оружия, в котором легионные солдаты едва ли находили для себя какое-либо обременение, они несли на себе кухонные принадлежности, орудия для возведения укреплений и провизию на несколько дней. Под этой ношей они были приучены делать мерным шагом около двадцати миль в шесть часов. При появлении неприятеля они сбрасывали в сторону свой багаж, и благодаря легким и быстрым маневрам колонна изменяла свой походный строй и выстраивалась в боевом порядке. Пращники и стрелки из лука перестреливались впереди фронта, вспомогательные войска составляли первую линию; легионы помогали им или поддерживали их; кавалерия прикрывала фланги, а военные машины помещались в арьергарде.

Число и распределение легионов. Есть основание полагать, что легион состоял из шести тысяч восьмисот тридцати одного римлянина, а вместе с находившимися при нем вспомогательными войсками доходил почти до двенадцати тысяч пятисот человек. При Адриане и его преемниках вся армия состояла в мирное время не менее как из тридцати таких грозных бригад и представляла, по всей вероятности, численную силу в триста семьдесят пять тысяч человек. Вместо того чтобы запирались внутри стен укрепленных городов, на которые римляне смотрели как на убежище слабости и трусости, легионы стояли лагерями на берегах больших рек или вдоль границ, отделявших римские владения от варваров. Так как места их стоянок были большей частью определены и неизменны, то мы в состоянии описать размещение войск. Для Британии было достаточно трех легионов. Главные силы были сосредоточены на Рейне и Дунае и состояли из шестнадцати легионов, распределявшихся следующим образом: два легиона в Нижней Германии и три в Верхней; один в Реции, один в Норике, четыре в Паннонии, три в Мезии и два в Дакии. Оборона Евфрата была вверена восьми легионам, из которых шесть стояли в Сирии, а два остальных — в Каппадокии. Что же касается Египта, Африки и Испании, то ввиду их отдаленности от всякого театра значительной войны полагалось, что на каждую из этих обширных провинций достаточно одного легиона для охранения в них внутреннего спокойствия. И сама Италия не оставалась без вооруженной силы. Больше двадцати тысяч избранных солдат,

носивших почетное название городских когорт и преторианской гвардии, блюли безопасность монарха и столицы. Так как преторианцы были виновниками почти всех потрясавших империю переворотов, то нам придется скоро остановить на них наше внимание, однако ни в их вооружении, ни в их дисциплине мы не находим ничего, что отличало бы их от легионов; только их внешность была более блестяща, а их дисциплина менее строга.

Флот, который содержали императоры, мог бы показаться не соответствующим их величию; однако он был вполне достаточен для всех полезных правительственных целей. Честолюбие римлян ограничивалось твердой землей, и этот воинственный народ никогда не воодушевлялся тем духом предприимчивости, благодаря которому мореплаватели тирские, карфагенские и даже марсельские¹ расширили пределы известного тогда мира и исследовали самые отдаленные берега океана. Для римлян океан всегда был скорее предметом ужаса, чем любопытства; после разрушения Карфагена и истребления морских разбойников Средиземное море на всем своем протяжении было окаймлено их владениями. Политика императоров была направлена только к тому, чтобы охранять мирное господство над этим морем и оказывать покровительство торговле их подданных. В этих скромных видах Август назначил постоянным местом стоянки двух флотов самые удобные порты Италии: для одного — Равенну на Адриатическом море, для другого — Мизен в Неаполитанском заливе. Древние народы в конце концов убедились по опыту, что, лишь только их галеры превышали два или по большей мере три ряда весел, они становились более годными для пустого наружного блеска, чем для настоящей службы. Сам Август мог заметить во время сражения при Акциуме превосходство его собственных легких фрегатов (называвшихся *либунами*)² над высокими, но неповоротливыми укрепленными судами его противника. Из этих *либури* он образовал флоты равеннский и мизенский, из которых первый должен был

¹ Имеются в виду мореплаватели из основанной фокейцами колонии Массалия (лат. Массилия) на месте современного Марселя. (Ред.)

² Эти суда строили *либури* — народ, подчиненный римлянам, один из многих, населявших побережье Адриатического моря. (Ред.)

господствовать над восточной частью Средиземного моря, а второй — над западной, и к каждой из этих эскадр он прикомандировал отряд из нескольких тысяч матросов. Кроме этих двух портов, которые можно считать главными средоточиями римского флота, очень значительные морские силы постоянно находились во Фрежусе у берегов Прованса, а Эвксинский Понт охранялся сорока судами и тремя тысячами солдат. Ко всему этому следует присовокупить флот, охранявший сообщение между Галлией и Британией, а также значительное число судов, постоянно находившихся на Рейне и на Дунае, для того чтобы наводить страх на соседние страны и препятствовать переправе варваров.

Объем всех военных сил. Если же мы сделаем обзор всего состава военных сил империи, как кавалерии, так и пехоты, как легионов, так и вспомогательных войск, гвардии и флота, то мы, даже не скупясь на самые крупные цифры, не будем в состоянии определить численность всех этих морских и сухопутных сил более чем в четыреста пятьдесят тысяч человек; а это такая военная сила, которая — какой бы она ни казалась грозной — равнялась военным силам монарха, царствовавшего в прошедшем столетии над таким государством, которое когда-то составляло лишь одну из провинций Римской империи.

Взгляд на провинции Римской империи. Мы постарались выяснить, каким образом дух умеренности сдерживал в известных границах могущество Адриана и Антонинов и на какие военные силы опиралось это могущество; теперь нам предстоит описать с ясностью и точностью те провинции, которые когда-то были соединены под их владычеством, но которые в настоящее время разделены на множество независимых и враждующих одно с другим государств.

Испания. Эта западная оконечность империи, Европы и всего Древнего мира неизменно сохраняла во все века одни и те же натуральные границы — Пиренейские горы, Средиземное море и Атлантический океан. Этот большой полуостров был разделен Августом на три провинции — Лузитанию, Бетику и Тарраконскую Испанию. Королевство Португальское занимает теперь место воинственной страны лузитанцев. Границы Гренады и Андалузии соответствуют границам древней Бетики. Остальные части Испании,

как то: Галисия и Астурия, Бискайя и Наварра, Леон и обе Кастилии, Мурсия, Валенсия, Каталония и Арагон — входили в состав третьей и самой значительной из римских провинций, которая по имени своей столицы называлась провинцией Тарраконской. Между туземными варварами кельтиберы были самые могущественные, а кантабры и астуры самые непокорные. Рассчитывая на неприступность своих гор, они после всех других преклонились перед римским могуществом и первые сбросили с себя иго арабов.

Галлия. Древняя Галлия, обнимавшая все страны между Пиренеями, Альпами, Рейном и океаном, была обширнее современной нам Франции. К владениям этой могущественной монархии, недавно расширившимся приобретением Эльзаса и Лотарингии, мы должны прибавить Савойское герцогство, кантоны Швейцарии, четыре Рейнских курфюршества и территории Льежа, Люксембурга, Эно, Фландрии и Брабанта. Когда Август стал издавать законы для завоеванных его отцом стран, он разделил Галлию, сообразуясь с местами, которые были заняты легионами, с течением рек и с главными этническими особенностями страны, заключавшей в себе более ста самостоятельных государств¹. Примыкающие к берегам Средиземного моря Лангедок, Прованс и Дофине получили название своей провинции от Нарбонской колонии. Аквитанская провинция была расширена от Пиренеев до Луары. Страна между Луарой и Сеной была названа Кельтской Галлией и скоро вслед за тем получила новое название, заимствованное от знаменитой колонии Лугдун, или Лион. По ту сторону Сены находилась Бельгия, ограниченная в более древние времена одним Рейном; но незадолго до века Цезаря германцы, пользуясь преимуществами, которые дает храбрость, заняли значительную часть бельгийской территории. Римские завоеватели поспешили воспользоваться таким лестным для их тщеславия обстоятельством, и рейнская граница Галлии от Базеля до Лейдена получила пышное название Верхней и Нижней Германии. Таким образом, Галлия в цар-

¹ В «Notitia of Gaul» [лат. «Сведения о галлах»] мы находим сто пятнадцать городов, а это название, как хорошо известно, давалось не только главному городу, но и всей территории каждого государства. Но Плутарх и Аппиан доводят число племен до трехсот или четырехсот. (Г.)

ствование Антонинов заключала в себе шесть провинций: Нарбонскую, Аквитанскую, Кельтскую, или Лионскую, Бельгийскую и две Германских.

Британия. Мы уже имели случай упомянуть о завоевании Британии и указать границы римских владений на этом острове. Они заключали в себе всю Англию, Уэльс и плоскую часть Шотландии до прохода при Дамбартоне и Эдинбурге. Перед тем как лишиться своей независимости, Британия была неравномерно разделена между тридцатью варварскими племенами, из которых самыми значительными были белги на западе, бриганты на севере, силуры в Южном Уэльсе и ицены в Норфолке и Саффолке. Судя по сходству нравов и языка, можно полагать, что Испания, Галлия и Британия были населены одной и той же отважной расой дикарей. Прежде чем подпасть под римское владычество, они выдержали немало сражений и не раз возобновляли борьбу. Когда они были покорены, их страны вошли в состав западной части европейских провинций, простиравшейся от Геркулесовых столбов¹ до стены Антонина и от устья Тахо до истоков Рейна и Дуная.

Италия. Страна, известная в настоящее время под именем Ломбардии, не считалась до римских завоеваний составною частью Италии. Галлы завели в ней могущественную колонию и, расселившись по берегам По от Пьемонта до Романы, распространили славу своего оружия и своего имени от Альп до Апеннин. Лигурийцы жили на утесистом побережье, входящем в настоящее время в состав Генуэзской республики. Венеция еще не существовала в то время, но та часть этой области, которая лежит к востоку от реки Адидже, была населена венетами². Средняя часть полуострова, состоящая в настоящее время из герцогства Тосканского и папских владений, была в древности населена этрусками и умбрами; от первых из них Италия получила зачатки своей цивилизации. Тибр катил свои волны у подножия семи холмов Рима, а страна сабинов, латинов и вольсков от этой реки и до границ Неаполя была театром

¹ Так обозначались высоты при входе в Гибралтарский пролив. (Ред.)

² Итальянские *венеты*, хотя и смешивались часто с галлами, были, по всему вероятно, родом из Иллирии. (Г.) Или из Либурнии. (М.)

первых побед республики. На этой-то знаменитой территории первые консулы удостоивались триумфов, их приемники украшали свои загородные дома, а их потомство выстроило монастыри. Капуя и Кампанья занимали самую территорию Неаполя; остальная часть Неаполитанского королевства была населена несколькими воинственными народами — марсами, самнитами, апулийцами и луканцами, а побережье было усеяно цветущими греческими колониями. Следует также заметить, что, когда Август разделил Италию на одиннадцать областей, маленькая провинция Истрия была присоединена к этому средоточию римского владычества.

Дунай и иллирийская граница. Европейские провинции Римской империи охранялись Рейном и Дунаем. Последняя из этих больших рек, берущая свое начало на расстоянии только тридцати миль от первой, течет на протяжении более тысячи трехсот миль, большею частью в юго-восточном направлении, принимает в себя воды шестидесяти судоходных рек и наконец впадает шестью рукавами в Эвксинское море. Дунайские провинции скоро получили общее название Иллирии или иллирийской границы¹; они считались самыми воинственными во всей империи; то были: Реция, Норик, Паннония, Далмация, Дакия, Мезия, Фракия, Македония и Греция.

Реция. Провинция Рецийская, в которой когда-то жили винделики, простиралась от Альп до берегов Дуная, от его источников до его слияния с Инном.

Норик и Паннония. Обширная территория, лежащая между Инном, Дунаем и Савой, то есть Австрия, Штирия, Каринтия, Карниола, Южная Венгрия и Славония, была известна древним под именами Норика и Паннонии. В своем первобытном независимом положении гордые обитатели этих провинций были тесно связаны между собой. Под римским управлением они нередко составляли одно целое.

Далмация, которая более всех других имела право называться Иллирией, состояла из длинной, но узкой полосы земли между Савой и Адриатическим морем.

¹ Название *Иллирии* первоначально обозначало побережье Адриатического моря; римляне мало-помалу распространили его на все страны, лежащие между Альпами и Эвксинским морем. (Г.)

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА I	
Объем и военные силы империи в век Антонинов	5
ГЛАВА II	
О единстве и внутреннем благоденствии Римской империи в век Антонинов	29
ГЛАВА III	
О государственном устройстве Римской империи в век Антонинов	60
ГЛАВА IV	
Жестокости, безрассудства и умерщвление Коммода. — Избрание Пертинакса. — Его попытки произвести реформы в государстве. — Его умерщвление преторианской гвардией	85
ГЛАВА V	
Преторианская гвардия публично продает империю Дидию Юлиану. — Клавдий Альбин в Британии, Песценний Нигер в Сирии и Септимий Север в Паннонии восстают против убийц Пертинакса. — Междоусобная война и победа Севера над его тремя соперниками. — Распушенность дисциплины. — Новые принципы управления	104
ГЛАВА VI	
Смерть Севера. — Тирания Каракаллы. — Узурпация Макрина. — Безрассудства Элиогабала. — Добродетели Александра Севера. — Своеволие армии. — Положение римских финансов	128
ГЛАВА VII	
Возведение на престол и тирания Максимиана. — Восстания в Африке и в Италии под влиянием сената. — Междоусобные войны и мятежи. — Насильственная смерть Максимиана и его сына, Максимиана и Бальбина и трех Гордианов. — Узурпация и столетние праздничные зрелища Филиппа	167
ГЛАВА VIII	
О положении Персии после восстановления этой монархии Арташиром	194
ГЛАВА IX	
Положение Германии до вторжения варваров во времена императора Деция	211

ГЛАВА X

Императоры Деций, Галл, Эмилиан, Валериан и Галлиен. — Вторжение варваров. — Тридцать тиранов 230

ГЛАВА XI

Царствование Клавдия. — Поражение готов. — Победы, триумф и смерть Аврелиана 269

ГЛАВА XII

Поведение армии и сената после смерти Аврелиана. — Царствования Тацита, Проба, Кара и его сыновей 300

ГЛАВА XIII

Царствование Диоклетиана и его трех сотоварищей — Максимиана, Галерия и Констанция. — Восстановление всеобщего порядка и спокойствия. — Персидская война, победа и триумф. — Новая форма управления. — Отречение и удаление Диоклетиана и Максимиана 329

ГЛАВА XIV

Смуты после отречения Диоклетиана. — Смерть Констанция. — Возведение на престол Константина и Максенция. — Шесть императоров в одно и то же время. — Смерть Максимиана и Галерия. — Победы Константина над Максенцием и Лицинием. — Воссоединение империи под властью Константина 366

ГЛАВА XV

Распространение христианской религии. — Чувства, нравы, число и положение первых христиан 409

ГЛАВА XVI

Образ действий римского правительства по отношению к христианам с царствования Нерона до царствования Константина . . 470

ГЛАВА XVII

Основание Константинополя. — Политическая система Константина и его преемников. — Военная дисциплина. — Дворец. — Финансы 525

ГЛАВА XVIII

Характер Константина. — Война с готами. — Смерть Константина. — Разделение империи между его тремя сыновьями. — Персидская война. — Трагическая смерть Константина Младшего и Константа. — Узурпация Магненция. — Междоусобная война. — Победа Констанция 571

ГЛАВА XIX

Констанций один остается императором. — Возвышение и смерть Галла. — Опасное положение и возвышение Юлиана. — Войны с сарматами и персами. — Победы Юлиана в Галлии 609

ГЛАВА XX

Мотивы, постепенность и последствия обращения Константина в христианство. — Легальное основание и устройство христианской, или кафолической, церкви 641

ГЛАВА XXI

Преследование еретиков. — Секта донатистов. — Споры, вызванные Арием. — Афанасий. — Тревожное состояние церкви и империи при Константине и его сыновьях. — Терпимость язычества 666

ГЛАВА XXII

Галльские легионы провозглашают Юлиана императором. — Его поход и успехи. — Смерть Констанция. — Гражданское управление Юлиана 713

ГЛАВА XXIII

Религия Юлиана. — Всеобщая веротерпимость. — Он пытается восстановить и преобразовать языческое богослужение. — Он хочет вновь построить Иерусалимский храм. — Коварство, с которым он преследует христиан. — Фанатизм и несправедливость обеих партий 736

ГЛАВА XXIV

Пребывание Юлиана в Антиохии. — Его успешный поход против персов. — Переход через Тигр. — Отступление и смерть Юлиана. — Избрание Иовиана. — Он спасает римскую армию постыдным мирным трактатом 760

От составителя 796